

Зарубежная философия: традиция и современность

УДК 1(091):141.5

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.1.224

От «psyche» к психике: «картины души» Платона и Аристотеля

И.А. Фролова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Платон и Аристотель предложили собственное видение способностей и свойств души. Их подходы различны, но душа имеет онтологическую и гносеологическую ипостаси в обеих философских системах. Однако возникает вопрос: можно ли обнаружить идеи или положения в концепциях античных авторов, которые оказались полезными для развития психологии и психоанализа? Чем отличаются «картины души» философов Древней Греции от концепций психики Т. Рибо и З. Фрейда? Статья о Платоне и Аристотеле – первая из двух, раскрывающая данные проблемы. Вторая будет посвящена концепциям Т. Рибо и З. Фрейда.

Ключевые слова: Платон, Аристотель, душа, психология, философская антропология.

История философии изобилует интересными концепциями, призванными описать феномен духовного в человеке в самых разных аспектах его проявления. Авторы изобретают собственные понятия, которые, по их мнению, должны способствовать пониманию происхождения и актуализации психических процессов, но возникает вопрос: а приближают ли нас новые термины к знанию столь тонких вопросов? А может быть, философия и наука топчутся на месте, пытаясь раскрыть загадку духовности? В течение столетий в данном направлении идет кропотливая работа, которая задействует творческое воображение, логику, самонаблюдение, научные методы исследования и новейшие технические средства, но люди все же мало преуспели в понимании главного вопроса: как возникает это самое духовное, как оно взаимодействует с материальным, что составляет тайну Жизни на земле. Более ста лет прошло с тех пор как Фрейд создал психоанализ, ставший успешным бизнес-проектом для него и многих его последователей, появились специалисты, которые не только эффективно помогают людям справиться с психологическими проблемами, но и умеют манипулировать людьми в корыстных целях. Наконец, появилась психиатрия, которая ввела понятия «норма» и «отклонение» для оценки состояния психики. Медицина не стоит на месте. Однако в рамках данной небольшой статьи мне хотелось бы поговорить о концепциях, которые разделены между собой огромным периодом времени, но уникальны в плане описания и понимания феномена духовного. В них отразились особенности авторского подхода: где-то ак-

тивно используются ресурсы мифа, где-то мы видим склонность к наблюдению, классификации и анализу, но есть и нечто общее для них, а именно метафоричность языка терминов, позволяющая через ипостаси психики объяснить феномен Жизни. Речь пойдет главным образом о четырех авторах: Платоне, Аристотеле, Теодюльфе Рибо и Зигмунде Фрейте. Для удобства чтения и восприятия представляется вполне правомерным объединить обе статьи одним названием, но каждой дать собственный подзаголовок. Хотелось бы пояснить ещё один существенный момент – понятие «картины души». Каждый философ, рассуждая о столь тонком понятии, подобен художнику: он создает, как картину, свое учение о невидимом и существенном на основании своей способности чувствовать, наблюдать и мыслить. Картины отличаются образностью, выразительностью. Идеи философов могут перекликаться, поражать своей пронизательностью, но каждая концепция по-своему отражает дух времени. Итак, обратимся к одной из самых прекрасных картин души, которую нам оставил великий Платон.

I. Платон

Ценность философской системы определяется не только тем, какие проблемы ставит философ, но и тем, как он их решает. На мой взгляд, Платон предложил очень красивое, образное понимание души, как особого демона, который управляет поступками человека и его телом. Душа для Платона есть единство и взаимодействие трех начал: разумного, волевого (яростного) и вожделеющего, что он воплотил для визуализации в образе крылатой колесницы. Платон прямо говорит, что возничий (разум) не всегда может справиться с двойкой коней, т. е. разум не всегда оказывается в состоянии контролировать вожделения, которые символизирует черный конь; и тогда душа, ломая крылья, падает на землю и обрекается на серию перерождений. Возничий стремится направить коней вверх – туда, где открывается прекрасная панорама мира идей, туда, где она наблюдает свиты богов и даже может к ним присоединиться. Она созерцает красоту и истину, от чего оперение души (а она крылатая) обновляется, добавляя ей дополнительную силу и знания. Таким образом, задача души – развивать разумное начало и контролировать другие. Миф о душе имеет онтологический и гносеологический аспекты. Душа предшествует телу, она находится как бы между двумя мирами, но связана с ними. Кроме того, сам Космос Платона одухотворён: Демиург создает сначала мировую душу, и только затем начинает использовать материю для сотворения тела космоса. Рассуждая о судьбе мириад душ (а они предполагаются вполне себе здоровыми и активными), философ затрагивает важнейшие вопросы.

Вопрос первый: как возможно познание? Знание не может произойти из незнания, точно так же как из абсолютной пустоты ничто само по себе не может возникнуть. Он вводит понятие анамнезис – припоминание. Очень любопытный термин, имеющий отношение к памяти. Познание есть припоминание того, что видела душа, созерцая что-то конкретное в мире идей; но есть у души и другие воспоминания, связанные с тем, что она пе-

реживала в своих прежних жизнях на земле. Таким образом, человек с рождения обладает знаниями и ему предстоит их припомнить, актуализировать. То, что «забылось», на самом деле остается в памяти. Психоанализ мог бы интерпретировать феномен припоминания как работу глобального предсознательного. Но для Платона память – это не только способность души сохранять находящуюся в ней истину. В диалоге «Филеб» он говорит также о сохранении в памяти ощущений, которые связаны со стремлениями души, с движениями ума. Платон трактует ощущение как некое сообщение, которое тело посылает душе человека, и «...из него рождается в душе *внеразумная* (курсив мой. – *И.Ф.*) познавательная способность, исходящая от тела» [4, с. 620]. Таким образом, ощущения не так уж и противопоставляются разуму, потому что они способны познавать особым образом, хотя далеки от знания высоких истин, которые присущи разуму.

Припомнить то, что душа видела, созерцая идеи в Гиперурии, сложно. Платон сетует в диалоге «Федр»: «Мало осталось таких душ, у которых достаточно сильна память. Они всякий раз, как увидят что-нибудь, подобное тому, что было там, *бывают поражены и уже не владеют собой* (курсив мой. – *И.Ф.*), и что это за состояние, они не знают, потому что недостаточно в нем разбираются. В здешних подобию нет вовсе отблеска справедливости, воздержности и всего другого, ценного для души, но, подходя к этим изображениям, кое-кому, пусть и очень немногим, все же удается, хотя и с трудом, разглядеть при помощи наших несовершенных органов, к какому роду относится то, что изображено» [2, с. 159]. Мысль бога, как и мысль всякой души, «питается умом и чистым знанием» [2, с. 156], которое содержится в «подлинном бытии». Души стремятся узреть поле истины, потому что подлинными знаниями питается природа крыла и лучшая сторона души.

Вопрос второй: почему люди обладают разными способностями? Одни склонны к интеллектуальному труду, другие к физическому; одни увлечены материальным, а другие духовным... Как правило, столь разные люди не могут понять друг друга. Эти различия опять же Платон объясняет судьбой души в ее прошлом, когда в борьбе за возможность видеть мир идей, души сталкивались, калечились, ломали крылья, оттеснялись из внутреннего круга, могли исполниться зла и забвения, а потом тяжелели и падали вниз. Душа может вселиться в человека при одном условии – если она видела истину: «...но душа, никогда не выдавшая истину, не примет такого образа, ведь человек должен постигать [ее] в соответствии с идеей, исходящей от многих чувственных восприятий, но сводимой рассудком воедино. А это и есть припоминание того, что некогда видела наша душа, когда она сопутствовала богу, свысока глядела на то, что мы теперь называем бытием, и поднималась до подлинного бытия» [2, с. 158]. Есть возвышенные души, видевшие истину. В земной жизни такой индивид «стоит вне человеческой суеты и обращен к божественному, *большинство, конечно, станет увещевать его, как помешанного* (курсив мой. – *И.Ф.*) – ведь его исступленность скрыта от большинства» [2, с. 158]. Память порождает тоску о том, что было Тогда. А вот способности к наукам зависят от того, насколько четко душа могла рассмотреть идеи, име-

ющие к ним отношение, а затем припомнить их. Гениальные открытия в разных областях знаний Платон бы объяснил именно так, ведь там, за пределами космоса, «несмотря на крайние усилия, всем им (душам. – *И.Ф.*) не достичь созерцания [подлинного] бытия, и, отойдя, они довольствуются мнимым пропитанием» [2, с. 157].

Третий вопрос, на который дает ответ Платон: что управляет поступками людей и телом человека? Он говорит о душе, в которой он различает несколько начал. Волевое начало может выступать как свободное, т. е. повелевающее собой, или может проявлять себя как невоздержанное. Оно связано с влечением так же, как и вожделеющее начало души. Оно работает в связке с разумным началом. Пример тому – бесстыдство, которое определяется как «терпеливость души к бесчестию во имя выгоды» [4, с. 629]. Платон подчеркивает, что «...всякое влечение и вожделение всех живых существ, а также руководство ими принадлежит душе» [3, с. 37]. Душа переживает пустоту, которую надо наполнить. Не тело голодает и жаждет. У Платона нет представления о греховном теле и праведной душе, он не противопоставляет эти понятия. Душа управляет телом и над ее совершенствованием прежде всего и надо работать. В памяти души хранятся ощущения, удовольствия, мнения, идеи и воспоминания: «Когда душа сама по себе, без участия тела, наилучшим образом воспроизводит то, что она испытала когда-то совместно с телом, мы говорим, что она вспоминает... *Равным образом, когда душа, утратив память об ощущениях или о знаниях, снова вызовет её в самой себе, то всё это мы называем воспоминаниями*» (курсив мой. – *И.Ф.*) [3, с. 35]. Запомним этот фрагмент. Он нам пригодится, когда пойдет речь о проблеме бессознательного у Т. Рибо и З. Фрейда.

Проблема душевного здоровья у Платона

Платон утверждает в «Федре», что человеку присущи два основополагающих стремления: к высшему благу, что выражается через здравомыслие, а также стремление к вожделениям, что сопровождается необузданностью, неистовством: «Влечение же, неразумно направленное на удовольствия и возобладавшее в нас своею властью, называется необузданностью. Впрочем, для необузданности есть много названий...» [2, с. 146]. У человека могут развиваться различные пристрастия: к обжорству, пьянству, например. Но все ли они воплощают в себе зло?

Неистовствовать – значит находиться все же не в здравом рассудке. Платон говорит о прорицательнице в Дельфах и о жрицах в Додоне, от которых в таком особом состоянии людям была большая польза, а в здравом рассудке они практически были бесполезны. Прорицание как некое знание, сообщаемое богами, например, через Пифию, гораздо ценнее, чем гадания здравомыслящих людей по пятницам: «Так вот, насколько прорицания совершеннее и ценнее птицегадания... настолько же, по свидетельству древних, неистовство, которое у людей от богов, прекраснее рассудительности, свойства человеческого» [2, с. 153].

Платон говорит о четырех видах божественной одержимости, которые боги даруют для величайшего счастья:

- вдохновенное прорицание происходит по воле Аполлона;
- неистовство тайнства по воле Диониса;
- Музы насылают творческое неистовство, а на творениях поэта, охваченного вдохновением, будет лежать печать божественности. Именно поэтому его произведения превзойдут творения здравомыслящих.
- Афродита и Эрот насылают любовное неистовство, которое Платон считает лучшим.

Надо понимать, что речь идет о мании любви, которая подразумевает и особые техники манипуляции с целью удержания рядом любимого человека, что очень часто во вред последнему, потому что любящим движут чувство собственности и ревность. Платон говорит, что любящий стремится сделать любимого зависимым от себя всеми доступными средствами; он пытается контролировать общение за счет изоляции от друзей и даже родственников, потому что общение способствует духовному возмужанию; он преграждает путь к интеллектуальному развитию, чтобы любимый человек не стал пренебрегать любящим. Богатого любимца удержать нелегко в силу его материальной независимости. Эгоистическая сторона любовной мании такова, что любящий даже радуется, когда любимец хоронит родственников или теряет состояние, поскольку все это ослабляет его и делает зависимым от любящего. Подобное поведение патологических ревнивцев известно всем, и Платон одним из первых описал мотивы подобного поведения.

Человеку свойственно стремиться к благам, а они могут иметь либо божественное происхождение, либо человеческое. *К божественным* благам он относит разумение, сопутствующее разуму здоровое состояние души, мужество, справедливость; *к человеческим* благам относятся здоровье, красота, сила в беге и движениях, богатство, которое является спутником разумности.

Платон в «Тимее» связывает недуги души с неразумием: «Нельзя не согласиться, что неразумие есть недуг души, но существуют два вида неразумия – сумасшествие и невежество» [3, с. 493]. Возникновение тяжелых душевных болезней он объясняет нарушением меры удовольствия и страдания, подчеркивая, что обе крайности очень опасны. Находясь в таком тяжелом состоянии, человек все видит и слышит неправильно, он не способен здраво рассуждать: «...обуреваемый сильнейшими удовольствиями и неудовольствиями, он живет в состоянии безумия большую часть жизни. Итак, душа его больна и безумна *по вине тела* (курсив мой. – *И.Ф.*), однако все видят в нем не больного, но добровольно порочного человека» [3, с. 493]. Хочу здесь напомнить, что специалисты XVIII и первой половины XIX в., которые занимались исследованием душевных болезней, тоже связывали их с телесными недугами. Но вернемся к Платону, который проводит очень тонкое различие между тем, что происходит в самом человеке, и тем, как его поведение воспринимается окружающими, которые больного принимают за порочного. Большинство в своем восприятии действий человека может быть далеким от правоты и справедливости.

Он ставит вопрос: каково происхождение порочности? Может быть, сам человек виноват в этом? Платон дает очень взвешенный ответ: «...никто не порочен по доброй воле, но лишь дурные свойства тела или неудавшееся воспитание делают порочного человека порочным, при том всегда к его же несчастью и против его воли» [3, с. 493–494]. В древности было принято считать, что чрезмерная активизация флегмы и желчи как-то сказывается на состоянии души, вторгаясь в ее части, коих три, и порождают душевные недуги, особые состояния: подавленность, уныние, дерзость, трусость, забывье или тупоумие. Но состояние тела – это всего лишь одно из слагаемых проблемы. Ведь если человек воспитывается так, что в семье и общественных местах слышит гнусные речи, если он не изучает науки (не заботится о развитии разума), если живет в условиях дурного государственного управления, то вполне вероятно, что он станет порочным человеком. Внешние факторы очень сильны и многое определяют. Платон не только стоит стеной за надлежащее воспитание, но и указывает на личную ответственность человека за самого себя: «Ответственность за это лежит скорее на зачавших, нежели на зачатых, и скорее на воспитателях, чем на воспитуемых; и все же каждый обязан напрягать свои силы, дабы с помощью воспитания, упражнений и занятий избежать порока» [3, с. 494]. С таким призывом трудно не согласиться. Душевное здоровье во многом зависит и от состояния тела, и от соразмерности души и тела, о чем философ продолжает рассуждать в «Тимее». С одной стороны, происхождение недугов объясняется нарушением в теле баланса между четырьмя стихиями: воды, воздуха, огня и земли, а с другой стороны, душа могла вселиться в несоразмерное ей тело. Она будет страдать и мучиться, ведь когда вошедшая в тело душа «слишком сильна для тела и при том яростна, она расшатывает тело и наполняет его изнутри недугами; предаваясь исследованиям и наукам, она его истощает... Если превосходящее душу, большое тело, соединяется со скудным умом, то тело усиливается, а душа тупеет, навлекая невежество, этот злейший из всех недугов» [3, с. 495].

Итак, согласно Платону, здоровье души зависит от уравновешенного пребывания стихий в теле, от соразмерности тела и души, от особенностей воспитания, которое может взрастить пороки, от переживания безмерных радостей и страданий. Речь идет о внешних и внутренних причинах. Очень важно, что в конце XIX в. телесное происхождение психических заболеваний пересматривается, а оценка значения внешних факторов, которые осмысливаются через диалог и отношения между людьми, возрастает. Сохраняется при этом представление о трех составляющих души, правда, появляется другая терминология.

Значение взглядов Платона в этом смысле трудно переоценить. В своих сочинениях он обнажил механизм манипулирования одного человека другим, когда речь шла о любовных отношениях. И не так уж и важно, что Платон рассуждал о любви между мужчинами: эгоистический механизм оказывается универсальным для понимания отношений в паре до брака и в браке, когда описываются маниакальный контроль и стремление к подчинению объек-

та любовного влечения, что не способствует душевному здоровью и приводит к личным драмам. Платон указывает на важность фактора материальной обеспеченности как на основу свободы состоящих в отношениях людей. Наблюдения его поистине поразительные. Психоанализ будет уделять особое внимание отношениям в частной сфере, но и Платон подчеркивал травмирующие последствия нездоровых отношений, приводящих к душевным сокрушениям и мощным переживаниям, что крайне опасно для здоровья.

Если говорить о статусе души в философии Платона, то она вписана в систему двух миров, у нее есть глобальный смысл существования – само-совершенствование. Задача попавшей на землю души – вырваться из цепи перерождений, стараясь и здесь, обретя плоть, вести праведную жизнь с целью однажды вновь подняться к границе небесного свода, чтобы голова возничего поднялась в занебесную область и насладилась красотой созерцаемых идей и богов. Душа разумна и целостна: все три ее ипостаси взаимодействуют и способны к гармоничному существованию, если будут подчиняться разумному началу, а оно имеет прямое отношение к понятию блага. В идеальном государстве для наглядности Платон говорит о деятельности трёх сословий, соответствующие трем основаниям души, которые обеспечивают добродетельную устойчивость и процветание государства.

Далее, Платон исходит из того, что душа, как правило, здорова: разум ее не помрачен. Она способна страдать, бороться, терпеть, жаловаться, переживая хорошие и плохие дни жизни. На земле она сталкивается с самыми разными и даже страшными обстоятельствами, может ожесточиться, совершать преступления, пребывая в теле тирана или злодея, но душа изначально рассматривается нормальной с точки зрения современной психиатрии. Посмотрим теперь, как рассуждает о душе Аристотель.

II. Аристотель

Ученик Платона в своем подходе к пониманию души проявляет себя как превосходный наблюдатель и систематизатор. Платон говорил о том, что душа движет телом, преимущественно размышляя о человеке. Аристотель несколько не сомневается в этом, но вводит понятие «жизнь» как атрибут развивающегося тела, потому что данное понятие поможет осмыслить ему широкую панораму проявления души в природе: «Жизнью мы называем всякое питание, рост и упадок тела, имеющие основания в нем самом» [1, с. 394]. Аристотель различает живое в возможности и живое в потенции: «Но живое в возможности – это не то, что лишено души, а то, что ею обладает. Семя же и плод суть именно такое тело в возможности» [1, с. 396].

Если у Платона душа способна отделяться от тела, то Аристотель полагает это невозможным: «Но так же как зрачок и зрение составляют глаз, так душа и тело составляют живое существо» [1, с. 396]. Душа выступает как форма тела, его сущность и энтелехия: «Энтелехия же имеет двоякий смысл: или такой, как знание, или такой, как деятельность созерцания; совершенно очевидно, что душа есть энтелехия в таком смысле, как

знание... У одного и того же человека *знание по своему происхождению предшествует* (курсив мой. – И.Ф.) деятельности созерцания. Хочу отметить, что примерно так потом рассуждал и Декарт в «Оптике», указывая, как на факт, следующее: прежде чем мы что-то увидим, мы уже загружены знанием о том, что нам предстоит увидеть.

Аристотель дает свою классификацию признаков жизни по степени усложнения функций души, исходя из классификации живых существ в природе. Если **растениям** присущи питание, рост и воспроизведение, то **животным** помимо указанных еще и ощущения, которые выражаются в осязании, печали, радости, стремлении, желании, страсти, воле; и только **человек** помимо ранее перечисленных свойств обладает способностью и стремлением к познанию. Все существа, кроме человека, всегда будут погружены в мир единичных вещей, потому что ощущения нацелены на единичное. Знание всегда направлено на общее. Однако ощущения и разумение взаимосвязаны, хотя последнее присуще немногим существам.

Воображение выступает как некое особое явление, необходимое в процессе познания: «Оно не возникает без ощущения, а без воображения невозможно никакое составление суждения... Воображение есть то, благодаря чему у нас возникает... образ» [1, с. 430]. Аристотель ставит воображение в один ряд важнейших способностей или свойств, которые позволяют нам либо находить истину, либо заблуждаться, наряду с ощущением, мнением, умом, познанием. Воображение бывает обманчивым и не всегда поэтому достигает истины, потому что оно связано с **представлением**; оно отличается от мнения, которое основывается на вере и убеждении, а последнее основывается на разумном основании. Таким образом, воображение есть у многих живых существ, но они могут и не обладать разумом: «...воображение есть **такое движение**, которое не может быть без ощущения, и не может быть у тех, кто не ощущает...» [1, с. 432].

Представления связаны с пониманием блага и зла, они сходны с ощущениями и как бы их замещают при размышлении, сохраняясь в душе. Они присущи и животным, не имеющим разума, потому что определяют стремления. Животные в своем поведении руководствуются ими. Люди тоже могут пойти на поводу у представлений «...оттого, что их ум подчас затемняется страстью или болезнями, или сном...» [1, с. 432]. Аристотель очень тонко рассуждает о разуме, и его точка зрения весьма актуальна сегодня, когда многими светилами медицины ставится под сомнение связь сознания с телом. Ум, по Аристотелю, есть способность: «Поэтому нет разумного основания считать, что ум соединен с телом. Ведь иначе он оказался бы обладающим каким-либо определенным качеством, он был бы холодным или теплым или имел бы какой-либо орган, как имеет его способность ощущения; но ничего такого нет. Поэтому правы те, кто говорит, что душа есть местонахождение форм, с той оговоркой, что не вся душа, а мыслящая часть имеет формы не в действительности, а в возможности» [1, с. 433–434]. Вопрос в том, как эти формы в возможности в мыслящей душе оказались. Это немного напоминает врожденные идеи, и, учитывая тот факт, что фено-

мен жизни связан с различными видами движения, а Аристотель уделял природе движения особое внимание, то каким-то образом жизнь все же связана с Перводвигателем. Душа, наделенная разумом, обладает многими способностями, и у нее есть интересное свойство: «Дело в том, что способность ощущения невозможна без тела, ум же существует отдельно от него» [1, с. 434]. У философа в сочинении есть места достаточно темные для толкования, где просматривается идея великого творческого деятельного разума. Неудивительно, что христианская традиция усмотрела в трудах Аристотеля идеи, которые могли способствовать укреплению христианской догматики. Вот, например, что пишет философ: «И действительно, существует, с одной стороны, такой ум, который становится всем, с другой - ум, все производящий, как некое свойство, подобное свету... И этот ум существует отдельно и не подвержен ничему, он ни с чем не смешан, будучи по своей сущности деятельностью. Ведь действующее всегда выше претерпевающего и начало выше материи (курсив мой. – И.Ф.)» [1, с. 435]. Очевидно, что Начало разумно и деятельно. Более того, выясняется, что есть ум деятельный и ум, подверженный воздействиям. Вот одно из интереснейших мест у Стагирита, открытое для толкований: «В самом деле, знание в действии есть то же, что его предмет. Знание же в возможности у отдельного человека, но не знание вообще, по времени предшествует знанию в действии. Ведь этот ум не таков, что он иногда мыслит, иногда не мыслит. *Только существуя отдельно, он есть то, что он есть, и только это бессмертно и вечно* (курсив мой. – И.Ф.). У нас нет воспоминаний, так как этот ум ничему не подвержен; ум же, подверженный воздействиям, преходящ, и без деятельного ума ничего не может мыслить» [1, с. 436].

Структура души по Аристотелю

После того, как Аристотель определился с классификацией типов души, исходя из функций, он останавливается более подробно на структуре души, исходя из ее способностей, о чем размышляли и до него многие философы, имея ввиду, главным образом **три главные способности: рассуждения, желания и страсти**. Он соглашается с данным мнением, но называет еще и способность **стремления**, подчеркивая ее особую значимость: «И было бы нелепо отрывать ее от других. Ведь в разумной части души зарождается воля, а в не основывающейся на разуме – желание и страсть. *Если же душа состоит из трех частей, то в каждой части будет стремление*» (курсив мой. – И.Ф.) [1, с. 440]. Данный фрагмент побуждает вспомнить о психоанализе Фрейда. Если Фрейд говорит об активности «Оно» и силе цензора «Я», то и в том, и в другом присутствует стремление: «Оно» пытается достичь реализации желаемого, а «Я» стремится контролировать желание, соизмеряя его с комплексом требований «Сверх-Я». Посмотрите, сколь тонок в наблюдениях Аристотель и как идеи Фрейда созвучны его точке зрения: «Ум... не движет без стремления... *Между тем стремление движет иногда вопреки размышлению: ведь желание есть некоего рода стремление* (курсив мой. –И.Ф.). Ум всегда правилен, стремление же и воображение то правильны, то неправильны. Поэтому приводит в движение всегда предмет стремления» [1, с. 443]. Но

что значит, что ум всегда правилен? Фрейд, который в силу профессии не был особенно занят гносеологическими философскими вопросами, сказал бы, что разуму присущ принцип реальности, определяющий, что можно, что нельзя, что нравственно, что безнравственно с точки зрения общества. Аристотель констатирует неоспоримый факт: ум может идти на поводу желаний, которые в структуре психики Фрейда находятся в «Оно». Стагирит пришел к такому умозаключению, размышляя о природе движения души. Он считает, что способности желания и страсти отличаются от остальных: «А так как бывают противоположные друг другу стремления, а это случается, *когда разум противостоит желаниям* (курсив мой. – *И.Ф.*), происходит же это у тех, кто обладает чувством времени (ведь ум велит воздерживаться ввиду будущего, желания же побуждают к осуществлению тотчас же, ибо удовольствие, получаемое сразу же, кажется и безусловным удовольствием, и безусловным благом оттого, что не принимают во внимание будущее)» [1, с. 443]. Стремление – особое свойство; оно может привести в движение волно, но иногда воля берет верх над стремлением; возможно и столкновение стремлений (при невоздержанности) и тогда одно стремление берет верх над другим.

Итак, Аристотель называет пять главных способностей души: способность к рассуждению, желания, страсти, стремления и воля. Разум человека может затемняться страстями или болезнями. Иногда иррациональные импульсы, болезни и сон оказываются тем, что сильнее разума, и они способны повредить его, или заставить человека погрузиться в искаженное восприятие реальности. Структура души Аристотеля описательна и метафорична, как и структура психики у психоаналитиков XX в. Терминология и подходы меняются в процессе наработки новых научных данных, которые позволяют продвинуться в выяснении причин психиатрических и психологических проблем. Западная философия и медицина озабочены тем, как человек познает реальность, понимая человека как функционирующую структуру с чувственным и рациональным уровнями, иногда даже уподобляя его компьютеру, пытаясь в нем рассмотреть «детали». В этом смысле наука остается в понимании души практически на позициях механицизма XVII в., который рассматривал духовное в человеке как «привидение в машине»; теперь, с поправкой на технологический прогресс, речь идет о привидении в компьютере. Но до сих пор, говоря о памяти, никто не может указать на то место, где хранится индивидуальный контент; столь же темным местом остается связь чувственного и рационального уровней в процессе познания, тайна усвоения языков, а также тайна творческого порыва и гениальности. Мы видим, что Платон и Аристотель попытались дать собственные картины души, и многие их суждения оказываются актуальными и сегодня. Они взяты на заметку психологами и психиатрами, род деятельности которых направлен на выяснение причин психических аномалий. Философские концепции великих античных авторов несомненно повлияли на всю философскую антропологию, и мы рассмотрим пару психоаналитических концепций XIX–XX вв., чтобы они помогли нам отчетливее представить трудности, с которыми сталкивается наука в попытках проникнуть в тайны душевных

состояний индивида, а также то, как мыслится структура психики. Термин психика становится в этот период более актуальным, научным, нежели термин душа. Термин «психика» создан по аналогии с терминами «динамика», «генетика» и прочими; он несет в себе идею функции, движения, подразумевает ответ на вопрос «как это работает». Картины души древних замещаются схемами функционирования, но они тоже несколько мифологичны, потому что имеют дело с тем, что невозможно потрогать, – с нематериальным, которое визуализируется через поведение.

Список литературы

1. Аристотель. О душе // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 550 с. С.394
2. Платон. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. 528 с.
3. Платон. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 655 с.
4. Платон. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 4. 528 с.

From «psyche» to mentality: «paintings of the soul» by Plato and Aristotle

I.A. Frolova

Tver State University, Tver

Plato and Aristotle offered their own visions of the abilities and properties of the soul. Their approaches are different, but the soul has ontological and epistemological hypostases in both philosophical systems. However, the question arises: is it possible to discover ideas or positions in the concepts of ancient authors that proved useful for the development of psychology and psychoanalysis? How do the "paintings of the soul" of the philosophers of Ancient Greece differ from the concepts of the psyche of T. Ribot and Z. Freud? The article on Plato and Aristotle is the first of the two to reveal these issues. The second one will be devoted to the concepts of T. Ribot and Z. Freud.

Keywords: *Plato, Aristotle, soul, psychology, philosophical anthropology.*

Об авторе:

ФРОЛОВА Ирина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: star63@yandex.ru

Author information:

FROLOVA Irina Alekseevna – PhD, associated professor of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: star63@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.12.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 25.01.2025.